DOI: 10.30842/ielcp230690152681

А. И. Любжин
Ун-т Дм. Пожарского/ Нац. исслед. ун-т «Московский физико-технический институт»,
Москва, Россия, vultur@mail.ru

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА XVII ВЕКА

Франсуа де ла Мот Ле Вэйе и его трактат «О воспитании монсеньора дофина»[1]

Франсуа де ла Мот Ле Вэйе, автор трактата «О воспитании монсеньора дофина», участвовавший в воспитании Людовика XIV и его младшего брата Филиппа, герцога Анжуйского, сочинил свой трактат не только как документ педагогической мысли, но и как документ энциклопедической (прежде всего античной) эрудиции. Он находится под влиянием мысли Аристотеля и использует бесчисленные примеры, почерпнутые из Светония, Scriptores Historiae Augustae, Тита Ливия, Диодора Сицилийского, Цицерона, Плиния Старшего, Афинея и др. Античная поэзия для него менее значима, нежели проза. Его познания и кругозор представляют собой исключительное явление.

Ключевые слова: XVII век, Ле Вэйе, Аристотель, рецепция античности, воспитание наследника престола.

[1] Первое издание: Le Vayer 1640. Затем трактат издавался в первом томе подготовленного сыном (тоже Франсуа) собрания сочинений; оно выходило в свет неоднократно, мы пользовались третьим изданием: Le Vayer 1662. Именно на него мы будем опираться при цитировании. Последним самостоятельным изданием был первый том дрезденского собрания сочинений: Le Vayer 1756, содержащий, в отличие от громадного тома, подготовленного Ле Вэйе-сыном, только этот трактат (туда включен и биографический очерк); там же см. обзор собраний сочинений, Avertissement du libraire, p. 15–20. Очень рано появился итальянский перевод: Le Vayer 1647, с некоторым изменением заголовка. Полезную библиографию оригинальных работ (без переизданий) см.: Georges 2018. Библиография с учетом переизданий и публикаций в составе собраний сочинений (не всех, но основных) — Loque 2011. Ф. Ф. Локе отмечает, что некоторые комментаторы придерживаются для рождения другой датировки — 1583 г. (Loque 2011: 174, со ссылками).

A. I. Lyubzhin
Dm. Pozharsky University/ National Research University Moscow Institute of Physics and Technology. vultur@mail.ru

Ancient heritage through the eyes of a French intellectual of the 17th century. François de la Mothe Le Vayer and his treatise *On the Education of Monsignor Dauphin*

François de La Mothe Le Vayer, author of the treatise *On the Education of the Monsignor Dauphin* who participated in the education of Louis XIV and his younger brother Philippe, Duke of Anjou, composed his treatise not only as a document of pedagogical thought, but also as a document of encyclopedic (primarily ancient) erudition. He is influenced by Aristotle's thought and uses innumerable examples from Suetonius, *Scriptores Historiae Augustae*, Titus Livy, Diodorus of Sicily, Cicero, Pliny the Elder, Athenaeus, etc. Antique poetry is less important to him than prose. His knowledge and outlook represent an exceptional phenomenon.

Keywords: 17th century, Le Vayer, Aristotle, reception of antiquity, education of the heir to the throne.

Воспитатель младшего брата Людовика XIV, герцога Анжуйского[2], а в течение некоторого времени — наставник самого будущего короля, «французский Плутарх»[3] Франсуа де ла Мот Ле Вэйе (1588–1672)[4] не относится к числу совершенно забытых авторов. Хотя Эрнест Тиссран (дающий меткую характеристику характеру нашего героя: «Жизнь де ла Мота Ле Вэйе… совершенно едина и проста. Можно было бы изложить ее ход

[2] Филипп I, герцог Орлеанский (1640–1701). С рождения имел титул герцога Анжуйского; после смерти дяди, Гастона Орлеанского (1660 г.), получил титул герцога Орлеанского.

[3] Так о нем писал, в частности, выдающийся библиотекарь Габриэль Ноде. Цит. по: Kerviler 1879: 95. Ср.: Dreux du Radier 1755; без пагинации, под колонтитулом M.DC.LXXI. ou M.DC.LXXII: «Его книги, которые он начал издавать в свет лишь с пятидесятилетнего возраста, но тогда уже в большом количестве, все заслужили уважение, а многие были напечатаны неоднократно еще при жизни автора. У него была репутация не только первоклассного ученого, на которого одни смотрели как на нашего Плутарха, другие — как на нашего Варрона; но у него была еще репутация философа и мудреца». «У всех его писаний есть подлинная заслуга; о них можно говорить, как говорят о книгах одного древнего автора, что никогда не раскрываешь их без того, чтобы стать более ученым. Пренебрежение к ним прекратится, когда вкус к легкомыслию уступит вкусу к подлинной эрудиции». Из XIX в. эта особенность видится иначе: «Чрезмерная и непереваренная эрудиция утомляет читателя» (Lacroix 1890: 63).

[4] Биографию см.: Étienne 1849; Kerviler 1879.

одним только перечислением его должностей и произведений» — Tisserand 1922: 21) и опубликовал два его философских диалога в серии «Собрание неизвестных шедевров», «Collection des Chefs-d'œuvre méconnus»[5], к настоящему времени он не обижен исследовательским вниманием[6]. Но прежде всего он привлекает его как философ-скептик, вольнодумец XVII в., автор написанных в античном вкусе диалогов; трактат, о котором пойдет речь, мало привлекал внимание как памятник педагогической мысли[7] и совсем не становился предметом исследования как памятник эрудиции в античной области. Разумеется, Ле Вэйе как читатель античных авторов представляет — в разной степени — и себя самого, и свою эпоху, и свою страну; мы ограничимся тем, что представим комплекс его познаний и мыслей в этой сфере, понимая, что для более широких выводов нужны сравнительные исследования. В нашем разборе мы будем затрагивать лишь светскую изящную словесность, оставив без внимания Отцов Церкви и астрологическую литературу. Отметим немногочисленность мест первой из упомянутых категорий (ссылок на Св. Писание, которые мы тоже рассматривать здесь не будем, также относительно немного).

Несколько слов имеет смысл сказать о структуре и содержании трактата. Он делится на главы, хотя имеет более сложную композицию; первую часть составляют четыре столпа государства — религия, правосудие, финансы и военная сила. Затем Ле Вэйе обсуждает, насколько нужно государю владеть свободными искусствами. Придерживаясь в общем и целом принципа золотой середины, отвергая как полное невежество, так и детальное знакомство, вполне достойным предметом королевского воспитания он признает одну риторику. Затем такому же разбору подвергаются семь механических искусств. (В такой области, как архитектура или живопись, государю следует быть квалифицированным ценителем и покровителем, но собствен-

[5] Tisserand 1922. Там же см. превосходную библиографию.

[6] См., напр., посвященную ему страницу французской википедии с весьма представительной библиографией: https://fr.wikipedia.org/wiki/François_de_La_Mothe_Le_Vayer_(1588–1672). Дата обращения — 1.08.2021.

[7] Отметим латинскую диссертацию Лакруа: (Lacroix 1890). В общем и целом он считает книгу заслуживающей забвения (P. 63). Наше несогласие сформулировано в: Любжин 2021.

ные занятия не рекомендуются — как и в поэзии.) За их рамками признаются важными география, мораль и физика. Потом речь идет об играх, физических упражнениях и развлечениях. И, наконец, завершают трактат главы о том, чему учить государя не следует: об астрологии (самая пространная глава, около одной пятой общего объема), химии и магии. Отметим, что мышление Ле Вэйе сложно структурировано: от прецедентного (королю можно заниматься охотой, поскольку те или иные великие государи это делали) до философских соображений высокого уровня: претензии астрологии на предсказание индивидуальных судеб отклоняются на том основании, что общие причины не могут иметь частных следствий.

Обратимся к характеру ссылок (они воспроизводились от издания к изданию, не меняя своего характера и сохранив его и в итальянском переводе). Они даются на полях, что часто приводит к вопросам: к какой именно фразе в тексте относится та или иная заметка и где пролегает граница между ними. У ссылок разная точность: больше всего она для Светония, где указывается параграф (как правило аббревиатурой art[iculum]). Обычно ссылка дается на книгу или не дается вообще. Первая — на автора, к которому впоследствии Ле Вэйе прибегать не будет, — на Кассиодора[8]. Система отсутствует. Приведем такой пример. Самое цитируемое место во всей античной литературе у Ле Вэйе — начало XIV книги «Аттических ночей» Авла Геллия, мысли философа Фаворина. Один раз упоминается только его имя безо всякой ссылки (Le Vayer 1662: 114), в других случаях — с такой ссылкой: *A. Gell. l. 14. c. 1*. (P. 124, 126, 133)[9]. Наша статистика не точна, поскольку мы не ограничились собственными авторскими указаниями, но, если пытаться вскрыть источники, трудно гарантировать полный успех. Если указание на какой-либо факт — единственное во всей античной литературе, как следующий пример уважения к наставнику — освобождение от податей Тарса, родины Афинодора, обучавшего Августа (P. 8; Luc. Macr. 21), мы при отсутствии ссылки принимаем в качестве более вероятной версии непосредственное

[8] *Facilius errare naturam, quam Principem formare Remp. dissimilem sui. Theodoricus apud Cassiodorum.* (Cassiod. Var. III, 12, 1). Здесь и далее собственные ссылки Ле Вэйе даются курсивом, наши уточнения заключаются в скобки.

[9] Кроме этого места, на Авла Геллия только одна ссылка.

обращение, а не промежуточный источник: во-первых, обращение к данному автору никогда не бывает единственным, во-вторых, сам характер эрудиции Ле Вэйе, как станет видно по ходу дальнейшего изложения, заставляет придерживаться именно этого мнения. Если же факт представлен в основных источниках многократно (напр., о последствиях для здоровья Александра Македонского от купания в реке Кидн — P. 95, или когда рассматривается обращение к воинам «соратники», compagnons, т. е. συστρατιῶται и commilitones — P. 45), мы не рассматривали это как ссылку на конкретный текст. Если имя (а иногда и конкретная книга труда) упоминается в тексте, ссылки на полях обычно не бывает.

Иногда ссылки бывают ошибочными. Можно предполагать опечатку (как в случае с рекомендацией избегать преподавателей с недостатками): Александр Великий усвоил вспыльчивый нрав и дурную осанку от Леонида. Наряду с правильной ссылкой на Квинтилиана (*Quintil. l. 1. c. 1*, (9)) дается вводящая в заблуждение: *Hincm. in epist*. То место, которое имелось в виду, — Hieron. Epist. 107, 4; переписка архиепископа Реймсского Гинкмара опубликована, но, даже если бы в ней содержался этот эпизод, вряд ли она могла служить источником и рассматриваться как таковой.

Рассмотрим еще одну ошибочную ссылку (P. 43). Ле Вэйе, рассматривая способы обеспечить преданность войск, пишет: «Кир, кроме того, каждого солдата звал по имени. А тот понтийский царь, величайший враг, какого когда-либо имел римский народ, добавлял к тому знание двадцати двух языков, — на них он говорил с таким же количеством наций, из которых состояли его легионы». На полях читаем: *Cicer. 2. de Orat*. Там нет упоминаний ни Кира, ни Митридата. Оба эти случая содержатся у Плиния Старшего (HN VII, 24, 88) — автора, в недостатке любви к которому, как будет видно, Ле Вэйе никак не упрекнешь. Однако же тематика указана верно: Цицерон завершает книгу рассуждениями о памяти, и у него есть общие с Плинием примеры: Симонид, Хармад, Метродор. По-видимому, цитируя Цицерона о памяти, французский энциклопедист отнесся слишком доверчиво к своей собственной, а книги в данный момент под рукой у него не было[10]. Если предпо-

[10] Мы не учитываем это место в подсчетах.

ложить, что точность цитирования — книги, а не гла́вы — вызвана тем, что цитирование (возможно, не всегда, но и не так чтобы очень редко) осуществлялось без проверки по бумажному экземпляру, можно только восхититься авторской образованностью.

Прежде чем перейти к перечню авторов, цитируемых Ле Вэйе, рассмотрим еще два примера, связанных с императором Траяном (как жалел, наверно, Ле Вэйе, что до него не добрался Светоний!). Ле Вэйе пишет: «Траян впоследствии отписал парфянскому царю, следуя той же мысли: он уверяет, что Евфрат всегда будет лишь ненадежной преградой от римского господства, которое может быть ограничено лишь соображениями справедливости» (P. 28). Нам не удалось обнаружить античный источник для этой реплики. Но он легко находится в авторитетной истории де Ту: «Таким образом, некогда парфяне требовали, чтобы Евфрат был границей между той и другой империей, и Траян им строго ответил: пределы Римской Империи — не реки или горы, но правосудие, насколько далеко оно простирается» (Thuanus 1620. Lib. 92: 340). Рассматривая взаимоотношение самодержавного властителя и законов, наш автор пишет: «Также не кажется, будто Траян считал себя изъятым из их действия и говорил, давая свой меч, что им должно пользоваться против всех, кто того заслуживал бы, и против него, если в том будет необходимость» (P. 26). На полях примечание: *In cunctos, in méque simul*. Здесь мог быть как современный источник (d'Orléans 1607: 28), так и античные, включая один византийский[11]. Однако же у этого гекзамет-

[11] Версия этого эпизода, восходящая к Плинию Младшему (Paneg. 67, «я вооружил и против себя руку префекта, если бы того потребовала общая польза»). Под пером позднеантичных писателей эпизод обретает дополнительные краски и подробности: у Диона Кассия (LXVIII, 16) Траян вручает меч назначенному главой преторианцев Суре, которого ложно обвиняли в коварных замыслах против императора: «Возьми этот меч, чтобы, если я буду хорошо править, пользоваться им за меня, а если дурно — против меня») У Аврелия Виктора он звучит так (Aur. Vict. Caes. 13, 9): «Он до того доверял невинности, что давая по обычаю префекту претория по имени Субуран знак власти — кинжал, часто наставлял его: "Тебе вверяю его для моей охраны, если я буду поступать правильно; в ином же случае скорее против меня"»; в изложении Никифора Каллиста дело обстоит так: «Говорят, что Траян был настолько другом справедливости и ненавистником порочности, что однажды, на глазах у всех, обнажив меч,

рического полустишия есть и поэтический образец, и результат мог возникнуть от сложного смешения различных по содержанию и характеру элементов[12].

Одна античная фигура присутствует у Ле Вэйе и как герой, и как автор. Он дважды ссылается на 2-ю речь Юлиана Отступника, и еще один раз — на 4-ю. Сам император вызывает его восхищение: «Даже императора Юлиана упрекали в том же самом, прежде всего по той причине, что, в силу наиболее распространенного мнения, он погиб от руки одного из бегущих парфян, — воинский пыл часто завлекал его за пределы того, что предписывало его положение. И это обычное суждение народа, сильная причина для заблуждения, всякий раз, когда злая судьба находила удовольствие в том, чтобы обрекать на гибель столь выдающихся людей в их самых великодушных подвигах. Но мы знаем также, что у разума и здравого смысла есть и своя отдельная конторка и что они произносят на сей предмет — как и по всем остальным поводам — приговоры, весьма отличные от суда черни[13]» (P. 51). В другом месте — «Юлиан, которому одно только обвинение в отступничестве мешает быть первым среди цезарей» (P. 54).

Обратимся теперь к списку цитируемых в трактате античных авторов. Первое, что бросается в глаза, — громадное преобладание прозы над поэзией. Это удивительно и, по-видимому, составляет личную особенность Ле Вэйе. Мы рассмотрим авторов по жанрам.

он дал его городскому префекту и сказал: “Возьми этот меч, и если я правильно буду управлять государством, то за меня; в ином же случае используй его против меня”» (Callistus 1630. Lib. III, c. 22: 255).

[12] Девиз представляет собой слегка искаженную цитату из Лукана: Lucan. civ. X, 349 слл.: atque haec dicta monet famulos perferre fideles / ad Pompeianae socium sibi caedis Achillam, / quem puer inbellis cunctis praefecerat armis / et dederat ferrum, nullo sibi iure retento, / in cunctos in seque simul. «И он распоряжается, чтобы верные слуги передали эти слова Ахилле, своему товарищу по убийству Помпея, которого невоинственный юноша поставил во главе всех войск, и дал ему меч, не оставив за собой никаких прав, против всех и против себя самого».

[13] Эти упреки адресованы Аврелию Виктору, указанному на полях, точнее, анонимному автору «Эпитомы»: *Aurel.* (Epit. de Caes. 43). Юлиан «слишком жаден до славы», «с нерассудительным пылом изо всех сил старается выстроить войско в боевой порядок», «отважный более, нежели подобает властителю, которому для общей безопасности надлежит сохранять собственную жизнь всегда, а на войне в особенности».

Историки и биографы

Первое место по количеству обращений — с большим отрывом — занимает Светоний: на него Ле Вэйе ссылается 35 раз (из них несколько — на разные эпизоды в одной ссылке) и еще дважды использует его данные без таковой. Французский автор не гнушается хорошими примерами дурных государей; так, он упоминает Нерона с его словами «Я хотел бы не уметь писать» при необходимости подписать смертный приговор (ссылка *Sueton. art. 10;* P. 22). Оценка Светония, которую Ле Вэйе дает в труде об античных историках, очень (но без чрезмерности) высока: отвергая похвалы, оценивающие его как самого точного и совершенного историка, он пишет: «Что до меня, то, хотя он заслуживает многого, меня весьма раздосадовало бы приписываниеему таких заслуг в ущерб тем, о ком мы говорили до сих пор. И тем не менее его должно признать одним из лучших авторов на своем языке», добавляя, что, если он впал в немилость и должен был удалиться от двора, это пошло на пользу нам: его место — «среди лучших историков» (Le Vayer 1662 H: 406).

Ле Вэйе не принимает конъектуру Юста Липсия к Aug. 64, 3[14]. Он оставляет на полях комментарий, который сам по себе был бы прекрасным латинским афоризмом, если отвязать его от данного места: *Melius natare quam notare* («лучше “плавать”, чем “записывать”» — А. Л.). *apud Suet.* (P. 95). Дважды на сведения, которые черпаются у Светония, не дается ссылка (P. 98. Vesp. 21; император был податлив на испрашивание милостей, когда шел в бани; P. 99. Domit. 3; с императором, как отвечает Вибий Крисп, никого — даже мухи нет).

Второе место занимает Тит Ливий (22 ссылки, из них одна без указания автора и места: *Cappua Annibali Cannae* (P. 58. «Капуя стала для Ганнибала Каннами», слова Марцелла, XXIII, 45, 4). Ле Вэйе высоко с симпатией отзывается и о Тите Ливии.

[14] «Помню, что и у римлян, и у афинян плавание входило в число физических упражнений; помню и пословицу — “ни плавать, ни читать”. Каждый делает свой выбор и читает, как желает; я же напишу et notare (*и записывать* — А. Л.). Речь идет о письме и об элементарных детских занятиях, и таким образом, говорит автор, он учил их и читать (litteras), и записывать. Это доказывается и следующим, о почерке; к плаванию это не имеет никакого отношения» (Цит. по: Lipsius 1667: 254).

«Нашлись современные авторы… осмелившиеся в свою очередь порицать стиль Тита Ливия как слишком поэтичный в одном месте, слишком растянутый в другом, а зачастую — несходный с самим собой. Это безрассудные суждения, тысячекратно более достойные жалости, нежели уважения… Но не так обстоит дело с упреком… что он был несправедлив к галлам, — во всех повествованиях, где он говорит о них и об их войнах. Мне прекрасно известно, что желавшие защитить его от этого упрека отвечают, что, если великое уважение к Августу, его покровителю, не могло помешать ему отзываться с честью не только о Помпее, но и о самом Кассии и Бруте… нет никакого вероятия, чтоб он пожелал воздержаться от правды в том, что касается нашей нации, по личной злобе или из желания еще более угодить римскому народу. И тем не менее несомненно, что он дал увлечь себя общему потоку и что нет латинского историка того времени, который не отзывался бы дурно обо всех нациях, чтобы угодить итальянской, будь то лесть или невежество, — и писали они только по запискам победителей, уничтоживших все, что содержалось в сообщениях прочих.

Однако же столь общая ошибка не должна помешать нашему особому уважению к Титу Ливию, как к одному из первых людей в своей стране» (Le Vayer 1662 H: 388).

Почти столько же — 21 ссылка — на Scriptores Historiae Augustae. Если упоминается одно конкретное место, указывается автор и император, которому посвящено жизнеописание (напр., *Iul. Capit. in Anton. Pio*). На весь сборник Ле Вэйе ссылается тогда, когда имеется в виду несколько биографий, подписанных разными именами (напр., когда он рассуждает о живописи: «Но нам важно ответить на вопрос, правда ли, что в кисти нет ничего недостойного царской руки, и достаточно ли примера императоров Адриана, Валентиниана, философа Марка Антонина, Александра Севера и Гордиана, которые все владели кистью превосходно, чтобы сказать: люди в их положении вполне могут им подражать» (P. 90). Ссылка дана в самом общем виде: *Hist. Aug. script*. Раскроем ее: I, 14, 8 (Адриан); IV, 4, 9 (сообщается только, что Марк Аврелий занимался живописью, без оценки творчества); XVIII, 27, 7–10: «Он (Александр Север — А. Л.) занимался геометрией, изумительно рисовал, замечательно пел, но никогда не делал этого в чьем-либо присутствии — свидетелями бывали только его рабы» (перевод

С. П. Кондратьева). В цитате две неточности: в биографии трех Гордианов не сообщается ничего об их увлечении живописью; жизнеописания Валентиниана у Scriptores Historiae Augustae нет. О его живописных талантах сообщается в Epit. de Caes., 45, 6, откуда Ле Вэйе, по-видимому, и почерпнул эти сведения, забыв об источнике.

Суждение об авторах корпуса сурово: «Те, кого обычно называют писателями истории Августов, Спартиан, Волкаций Галликан, Требеллий Поллион, Юлий Капитолин, Лампридий и Вописк, не противоречат моему взгляду (об отсутствии крупных историков в соответствующий период — А. Л.) и ничем не замечательны, кроме того, что они снабжают нас сведениями о большом числе императоров, о которых из иных источников мы не знаем почти ничего. Вописк, однако же, обладает тем свойством, что ему можно предъявить меньше всего упреков. Второе место займет Требеллий Поллион. Спартиан, Лампридий и Волкаций более небрежны и содержат больше ложного; Юлий Капитолин сходит за худшего по мнению тех, кто взял на себя труд рассмотрения» (Le Vayer 1662 H: 412).

На четвертом месте в общем перечне и первым среди греческих историков идет Диодор Сицилийский (18 ссылок). Ле Вэйе демонстрирует знакомство с такой книжной новинкой, как «Извлечения Константина Порфирогенета», вышедшие за шесть лет до первого издания его трактата[15]. Отметим интересную ссылку (которая содержит еще одну особенность левейеровского стиля — обобщение на основании одного примера). Перечисляя прецеденты — государей, интересовавшихся поэзией, — он не проходит мимо тирана Дионисия (P. 88–89): «Знаменитый Дионисий Сиракузский пристрастнее относился к трагедиям, чем к своей власти, и с большим тщеславием желал попасть в число хороших поэтов, нежели великих государей. На самом деле, поскольку он отправлял в каменоломни всех, кто морщился и не одобрял его стихи, то и умер он от радости и от обжорства, которому предался, когда узнал о театральной

[15] Polybii, Diodori Siculi, Nicolai Damasceni, Dionysii Halicar., Appiani Alexand. Dionis et Ioannis Antiocheni Excerpta ex Collectaneis Constantini Augusti Porphyrogenetæ Henricus Valesius nunc primùm Græcè edidit, Latinè vertit, Notisque illustrauit. Parisiis, M.DC.XXXIV. Sumptibus Mathurini du Puis, viâ lacobæâ, sub signo Coronæ. Cum Privilegio Regis.

победе — одна из его пьес благодаря подкупу получила в Афинах награду, одержав верх над много лучшими». Диодор Сицилийский здесь — поставщик сведений о каменоломнях; он пишет (*Diod. Sic. lib. 15*, (6)): «На Сицилии сиракузский тиран Дионисий, выпутавшись из войн с Карфагеном, жил в полном мире и имел много досуга. Потому он принялся за сочинение стихов, что делал с большим усердием, посылая за теми, кто стяжал похвалу за них, оказывал им знаки почтения и проводил время вместе с ними, находя в них знатоков и правщиков. Они превозносили его любезными речами, в ответ на его благодеяния, и он хвалился намного более стихами, чем совершенным на войне. Изо всех поэтов, кто был с ним, величайшей репутацией за творчество в своем роде пользовался автор дифирамбов Филоксен, и когда на пиру читали стихи тирана, — а были они тягостны, — задали вопрос, что он о них думает. Тот ответил с большей искренностью, чем надо бы; тиран оскорбился сказанным и упрекнул его, что его хула — от зависти, позвал слуг и велел тотчас отвести его в каменоломни. На следующий день друзья уговорили его простить Филоксена, и тиран, примирившись с ним, вновь собрал на пиру то же общество. Попойка затянулась, и Дионисий снова стал хвастаться своими стихами, прочитав некоторые, которые ему казались наиболее удачными, и когда он спросил, каковы ему кажутся стихи, тот ничего не ответил, но, позвав слуг Дионисия, велел: “Отведите меня обратно в каменоломни”».

Ле Вэйе воспринимает «Историческую библиотеку» как воистину всеобщую историю и сожалеет, что она дошла не полностью. Он пишет: «Признаюсь, что я, так сказать, охотно пошел бы на край света, если бы надеялся найти там такое сокровище, и что я завидую тем, кто придет после нас, в этом важном открытии, если только оно однажды будет сделано, когда нас не будет, и вместо только пятнадцати книг, которыми мы пользуемся, они будут обладать всеми сорока» (Le Vayer 1662 H: 314).

Ненамного отстают от него Геродот и Плутарх (по 15 ссылок)[16]. Начнем с первого. Черпая у Геродота сведения о древних

[16] Если мы рассмотрим реплику о Ксерксе, пожелавшем завоевать Грецию «с помощью армии, мимоходом прорывавшей горы, осушавшей озера и реки» (P. 36) как восходящую к VII книге Геродота (21; 23; 58; 108; 109; 127; 187; 196), количество ссылок на Геродота увеличится.

монархиях, один раз Ле Вэйе ошибается: «Пирамиды египетских царей и их еще более замечательные лабиринты, по мнению Геродота, были предприняты постройкой лишь для того, чтобы показать их богатство». Во второй книге, на которую он ссылается, эта мысль не высказана. Ле Вэйе скептически относится к скепсису Геродота (V, 10): «Он опровергает тех из Фракии, которые говорили, что по ту сторону реки Истр страна изобилует пчелами, на том слабом основании, что медовые мухи не могут жить в столь холодных местах, какими должны быть те земли. Тем не менее в наши дни нет того, кто не знал бы: Московия настолько полна ими, что зачастую они населяют целые леса, где эти маленькие животные зачастую трудятся для пропитания обитающих там медведей громадной величины». Вывод таков: «И вот, как мы можем заметить по этим примерам, Геродот никогда не желал выдавать за достоверные те вещи, о которых у него не было совершенных познаний, хотя бы они считались правдивыми в течение долгого времени после его жизни; и нужно подчеркнуть, что он весьма тщательно осуждал то, что он считал явно ложным, потому что это противоречило бы обычному течению природных явлений» (Le Vayer 1662 H: 294–295). Для Ле Вэйе Геродот — глубоко верующий человек, если это можно сказать о язычнике (Le Vayer 1662 H: 296), и потому он не стал бы отягощать совесть таким преступлением, как ложь. Это ответ обвинителям историка, в том числе Плутарху с его трактатом *De malignitate Herodoti*. «Как бы то ни было, после утраты такого числа иных историй очевидно, что древность не оставила нам ничего ни столь поучительного, ни столь чарующего, как девять Муз Геродота» (Le Vayer 1662 H: 297).

Плутарх — первый из рассматриваемых нами авторов, который оставил не одно сочинение; потому мы можем кое-что усмотреть и в простом распределении ссылок. Трижды он опирается на *Moralia*. Из трактата «О противоречиях стоиков» он черпает сведения о взглядах Хрисиппа на Троянскую войну как на божественный способ решить проблему перенаселения[17]: «Я не хочу просто сказать, как стоики, что войны — лекарство от чрезмерной и как бы невыносимой численности народов и что боги, по мысли Еврипида, дозволили Троянскую войну

[17] *Plutarque contred. des Stoïc*. 1049b. (Le Vayer 1662: 35).

только для того, чтобы избавить Европу и Азию от слишком великой массы людей, гнетущих их. Но я вполне могу утверждать вслед за Диодором[18]: ничто не способствовало так процветанию Греции и не возвысило ее на ту ступень славы, которой она достигла, как военное предприятие Ксеркса против нее».

Когда Ле Вэйе рассуждает о постройках, которые может предпринять государь, он приводит пример морских сооружений Лукулла, «которые принесли ему прозвание Ксеркса, облаченного в гражданское платье» (P. 83). Ссылка дается на Плиния Старшего (*Plin lib. 9. cap. 54* 80, 170), где реплика приписана Помпею Магну. Мы уже видели, что Ле Вэйе может заменить неопределенно-личной конструкцией указание на конкретного человека. Современный читатель скорее нашел бы этот анекдот у Плутарха, где данные слова приписаны стоику Туберону (Luc. 39). По-видимому, можно высказать предположение, что структура чтения претерпела некоторые изменения, и если сейчас энциклопедический автор Плиний в качестве источника информации уступил место занимательному рассказчику Плутарху, то современная ситуация не универсальна.

На Тацита у Ле Вэйе 13 ссылок. Ему нравится стиль: «И на самом деле, как есть такие вина, что горечь говорит в их пользу, и как — иные придерживаются такого мнения — сумрачный вид храмов внушает некоторое благоговение, есть иные, полагающие, что темнота автора и несколько шероховатая манера письма скорее заслуживают уважения, нежели наоборот, потому что они привлекают внимание со стороны ума, возвышают его и, заставляя остановиться, подводят его к новым познаниям, каких он не извлек бы из более легкого чтения» (Le Vayer 1662 H: 398). «Он не менее насыщен сентенциями, чем Фукидид или Саллюстий, но он пишет с таким чудесным искусством, что все его максимы порождены природой рассматриваемого предмета, как звезды созданы из собственной субстанции небес. Здесь нет ничего чужеродного, притворного, ни притянутого слишком издалека, ни чрезмерного; каждая мысль занимает место, подобающее ей так, что его нельзя оспорить. Кроме того, вы узнаете у него не просто события прошедших времен. Почти всегда он вскрывает их причины и прежние замыслы»; его молчание не менее красноречиво, чем его слова (Le Vayer 1662 H: 402). В

[18] *Lib. 12*, (1).

трактате «О воспитании монсеньора дофина» используются все произведения историка, кроме «Диалога об ораторах». Эпизод с астрологом Тиберия Трасиллом мы рассмотрим в конце.

Рядом с ним с 13 реминисценциями идет Аммиан Марцеллин. Интерес к его труду у Ле Вэйе, несомненно, связан с интересом к Юлиану Отступнику. В частности, французский эрудит пишет: «Придворные Констанция не называли Юлиана, его преемника, иначе, нежели — в насмешку — образованным гречонком, а также болтливым кротом», прибавляя на полях: *Graecanicum literionem*. У Аммиана Марцеллина (XVII, 22) несколько иначе: «literionem Graecum»[19]. Одна из реминисценций не вполне надежна: Ле Вэйе пишет о Траяне, что «его потом назвали травой-постенницей из-за частых надписей с его именем» (P. 84). Параллель у Аммиана Марцеллина очевидна (XXVII, 3, 7: «Этим пороком, говорят, страдал и император Траян, почему ему дали шутливое прозвище “трава-постенница”»), но здесь возможна в качестве источника и «Книга о цезарях» (Aur. Vict. Caes. 41, 13): «У него (Константина Великого — А. Л.) была привычка называть Траяна травой-постенницей (herba parietaria), из-за того, что его имя и прозвания были начертаны на многих зданиях». Текст Аммиана Марцеллина ближе, но, как мы видели, устранять конкретное лицо и писать просто «говорят» — вполне в духе Ле Вэйе, и это расхождение в данном случае нерелевантно.

Ле Вэйе признает: Аммиан Марцеллин не привлекает красотой языка (Le Vayer 1662 H: 413). Однако же «если “История” Аммиана Марцеллина страдает некоторыми недостатками со

[19] Формулу, точно соответствующую Ле Вэйе, можно найти в письме Балтазара Лидия (Balthasar Lydius, † 1629) к Петру Кунею (Pieter, или Peter van der Kun, † 1638, латинизированная форма имени Petrus Cunaeus), от 6 июля 1620 г., где, не солидаризируясь с его высокой оценкой Юлиана, он приводит критические суждения о нем: Petri Cunaei, Eloquentiae & Juris Romani quondam in Academia Batava Professoris, & doctorum virorum ad eumdem Epistolae. Quibus accedit Oratio in obitum Bonaventurae Vulcanii. Nunc primum editae cura Petri Burmanni. Leidae, apud Petrum Vander Aa, Typographi Urbis & Academiae. MDCCXXV. P. 56. Но переписка была впервые опубликована в 1725 г., и, по-видимому, нужно предполагать знакомство Ле Вэйе (для которого Юлиан был очевидно весьма живой темой) с письмом и до публикации. Впрочем, фигурирующий у Аммиана Марцеллина (но не у Балтазара Лидия) «болтливый крот» не оставляет сомнений в обращении к римскому историку.

стороны латинского красноречия, которое не могло быть совершенным у грека, как он, да еще военного по роду занятий, это в такой степени уравновешено достоинством мыслей и всеми остальными сторонами его труда, что нельзя отказать ему в видном ранге среди первых и наиважнейших историков». Французский эрудит ценит Аммиана Марцеллина и за то, что, будучи язычником, он воздержался — не в пример прочим — от инвектив в адрес христианства. Национальный аспект тоже не молчит: историк интересен сведениями о галльских древностях; достоверность же его общепризнана. Но нельзя одобрить слишком частое желание философствовать, что свойственно тем, кто учился поздно и специалистом в данной области не является (в частности, ему не следовало рассуждать о землетрясениях и т. п.).

По десять ссылок у Ле Вэйе на четырех авторов (в алфавитном порядке) — Аппиана, Диона Кассия, Иосифа Флавия и Полибия. Аппиана Ле Вэйе хвалит (солидаризируясь и с похвалами Фотия относительно предельно возможной достоверности) за то, что он один дал историю отдельных частей (histoire particulière), по провинциям и религиям; он один последовал этому порядку, противному природе, но «весьма приспособленному для рассмотрения каждой вещи по отдельности» (Le Vayer 1662 H: 336). Но трудно защитить его от упрека, что он использует дословные выдержки из чужих трудов, никого не называя по имени. Диона Кассия он называет «редким человеком» (Le Vayer 1662 H: 341) и, высказывая сожаление об утраченном, утверждает: «нет ничего равного последним сорока годам, о которых он говорил как очевидец». Его комплимент — Дион Кассий сумел выжить под тираническим правлением Коммода, Каракаллы и т. д. без ущерба для репутации, что требует величайшей ловкости ума — напоминает о Таците. Великого историка создает сочетание опыта в ведении дел и знания созерцательных наук. «И воистину нет никого другого, кто так хорошо бы раскрыл нам государственные тайны». Но Ле Вэйе шокирует пристрастность Диона — в частности, его неприязнь к Цицерону и Сенеке. К этому добавляются «некоторые пятна предрассудков и легковерия». Эпизод с Трасиллом (как и для Тацита) мы рассмотрим в конце. Что касается Иосифа Флавия, Ле Вэйе сочувственно цитирует похвалы Фотия в адрес его стиля и говорит, что, за рамками противоречащего Св.

Писанию, «это весьма авторитетный историк, заслуживающий того, чтобы на него полагались», особенно где он был очевидцем (Le Vayer 1662 H: 325; 328). Полибий сочинил самую выдающуюся историю среди философов (Le Vayer 1662 H: 307). Если защищать его от упрека в нечестии, то лучше всего говорить о нем «как об уме, просвещенном Небом в языческом мраке, верующем в единый принцип, или в единого Бога, и насмехающегося надо всем, что заставляло почитать тогдашнее идолопоклонство, над Елисейскими полями, Цербером и Радамантом» (Le Vayer 1662 H: 311). «У нас нет историка, кто научил бы нас большему в области правительства и гражданского благоразумия».

На Ксенофонта у Ле Вэйе семь ссылок, одна из них — ошибочная[20]. Ле Вэйе опирается на «Историю», «Домострой», «Об охоте», «Пир» (дважды) и «Анабасис» (в т. ч. один раз это не вводящая в заблуждение ссылка, хотя еще более неопределенная — *Xenoph*.). По-видимому, когда Ле Вэйе писал трактат, «Анабасиса» у него под рукой не было. Многовековая слава Ксенофонта опирается не только на историографию, — ей способствовали философия и военные заслуги (Le Vayer 1662 H: 303). «И я полагаю, что эти три стороны могут позволить нам дать ему имя Трисмегиста, не хуже чем египетскому Гермесу, поскольку он повсеместно признан очень крупным философом, очень крупным полководцем и очень крупным историком. Два последних качества у него общие с Цезарем, и не ошибаются те, кто признает в их стиле тройное сходство — чистоты, изящества и сладости». Ксенофонт — первый философ среди историков. Его великая моральная заслуга — он не стал плагиатором Фукидида, хотя имел полную возможность присвоить себе его труд. «Киропедию» Ле Вэйе воспринимает как не исторический, а чисто моралистический труд. Именно на него в «Воспитании монсеньора дофина» ссылок нет; мы не можем найти этому обстоятельству удовлетворительного объяснения.

Флор у Ле Вэйе используется пятикратно (в том числе, разумеется, знаменитая реплика о Ганнибале, который извлек удо-

[20] P. 95. Солдаты Кира погибли все, поскольку не умели плавать; ссылка самая неопределенная (*Xeno. in exp. Cyri*, указание на хотя бы книгу немалого по объему труда отсутствует). В «Анабасисе» подобного эпизода нет.

вольствие, а не пользу из своей победы — со ссылкой *Lib. 2. cap. 6. cum victoria uti posset frui maluit*, P. 58). Ле Вэйе пишет о нем: «Также можно видеть, что стиль его истории — вполне поэтический и что любовь к Парнасу подчас заставляла его использовать вергилиевы полустишия» (Le Vayer 1662 H: 403). Он не заслуживает строгого осуждения как историк и весьма красноречив: «если вы исключите несколько незначительных отрывков, которые можно назвать холодными сравнительно с остальными, остаток содержит необозримое число сентенций и наставлений, которые нельзя было бы сформулировать лучше».

Четырехкратно (или пятикратно, если обратить в его пользу место, о котором шла речь при рассмотрении Аммиана Марцеллина; кроме того, «О знаменитых мужах», дважды — «Эпитома», один раз — «О Цезарях») используется корпус Аврелия Виктора. Он высокой оценки не удостоился: «Секст Аврелий Виктор, относящийся к несколько более позднему времени, также не задержит меня, поскольку он в своем сокращении говорит не более слова о жизни каждого императора — от Августа до Юлиана (или, если надлежит смешать в одном лице троих, носивших одно имя Секста Виктора, до Феодосия Великого)» (Le Vayer 1662 H: 412). Четырежды Ле Вэйе ссылается на Цезаря (исключительно на галльскую войну, и один раз с неточностью: там, где он пишет о галльских обычаях, Цезарь имеет в виду германские[21]. Литературными трудами он не меньше заслуживает славы, чем воинскими подвигами (Le Vayer 1662 H: 412). По три раза Ле Вэйе обращается к Фукидиду и к Валерию Максиму. Он весьма ценит ораторский аспект у Фукидида (Le Vayer 1662 H: 300). Вместе с Дионисием Галикарнасским он находит неудачной композицию, которая хороша для романов; «что же до истины, она любит, чтобы ее видели одним взглядом и целиком». Кроме того, есть обращения к Дионисию Галикарнасскому, Корнелию Непоту[22], Геродиану и Юстину.

Философы

Среди философов первое место — также с большим отрывом, и общим количеством ссылок уступая только Светонию,

[21] P. 29. *De bello Gall. l. 6,* (22), о принадлежности земель властителю.
[22] *Aemilius Probus in Hann*. (Nep. Hann. 13). — P. 63.

— занимает Аристотель. Всего Ле Вэйе обращается к нему 26 раз. Из них одна ссылка на трактат, для которого авторство Аристотеля ныне отрицается, — предисловие к «Риторике к Александру»[23]. Мы ожидали бы доминирования трактатов об этике и политике; они представлены достойно — «Никомахова этика» — 5 раз, «Эвдемова» — трижды, «Политика» — пять раз. Но обращается Ле Вэйе и к естественнонаучным соображениям Аристотеля: он цитирует «Историю животных» (дважды), «О возникновении животных», «О частях животных» (дважды), «О небе» (дважды) и «Физику» (трижды)[24]. Из логических трактатов один раз приводятся «Категории», один раз — «Метафизика». Один раз он цитирует «Физиогномику».

Воспитатель французских принцев один раз вступает в спор со Стагиритом. Интересно при этом понаблюдать, насколько сам язык изложения пытается почтительнейше завуалировать факт спора: «Есть, однако же, те, кто создает здесь некоторую трудность, основанную на тексте “Этики” Аристотеля[25], где утверждается, что не может быть дружбы между наставником и учеником, тем, кто преподает, и тем, кому преподают; из чего они извлекают вывод, что согласно этому философу невозможно, чтобы между ними не возникло непонимания, а следовательно — и мало было бы той мягкости, о чьей необходимости мы только что говорили. Для тех, кто рассмотрит намерение Аристотеля, когда он выдвинул это предложение, ответ будет легок. Ведь это было лишь для того, чтобы поддержать другой основополагающий тезис его “Этики”, который утверждает, что дружба всегда заключается в равенстве, что заставляет его даже утверждать, будто нельзя предположить возможность дружбы

[23] «Если нет ничего приятнее, чем видеть телесными очами, что можно сказать об очах умственных, которые в естественном состоянии закупорены у нас невежеством и которые одна только наука может распахнуть?», со ссылкой: *C. 1. Rhet. ad Alex*. P. 66.

[24] Интересно, что собственный подход Ле Вэйе к преподаванию физики обвиняли в том, что он следует аристотелевской традиции: «Какова бы ни была собственная ценность этих произведений, для которых основными авторитетами остаются Аристотель и схоластика, без возможности увидеть, даже и в “Физике”, влияния современных идей, слишком очевидно, что в них нет жизни и что их чтение утомительно. Как далеки они от учебников, которые попадают в руки наших последних школьников!» (Lacour-Gayet 1923: 53).

[25] *Lib. 7. Eudem. c. 12*, (10, 1245a).

между богачом и нищим, или же даже между Богом и людьми, поскольку лица здесь в неравенстве. Стало быть, должно признать, что в силу этого учения дружбы воистину нет при таком соотношении, коль скоро эти лица таковы, чтобы воспользоваться понятиями Школы, но что это не мешает возможности получить ее в силу многих иных принимаемых во внимание обстоятельств. С другой стороны, есть и много других видов дружбы, кроме того, который заключается в совершенном равенстве философов» (P. 8). Ле Вэйе близок пафос Аристотеля — приверженность к середине между крайностями. Хотя сам он принадлежит к скептической школе, видного ее представителя в античности — Секста Эмпирика — он приводит всего один раз[26]. Дважды он ссылается на приписываемый Деметрию Фалерскому трактат «О красноречии».

На втором месте стоит Цицерон. К нему относятся 22 ссылки и обращения. Мы имеем полное основание поместить Цицерона в философский раздел, поскольку к письмам французский автор не обращается ни разу, к речам — только один раз[27], три ссылки на трактат «Об ораторе»[28], а остальное — на философские произведения. В одном случае вежливая полемика с Цицероном, высказывающим в *De Oratore* свой принципиальный тезис, позволяет подчеркнуть чрезвычайно важную для автора мысль: «Не то чтобы я не был согласен, что, как цицеронов оратор и витрувиев архитектор знают обо всем, то же самое можно полагать и о короле и что с его стороны было бы весьма любезно часто давать понять, что, несмотря на свое высочайшее положение, он не остается в неведении о вещах, лежащих ниже его. Но есть великая разница между легким налетом, который может быть дан ему как бы играючи, и

[26] *L. 5. adu. Mathem*., (10), в главе против астрологии, используя его аргументацию.

[27] «Есть люди со столь суровыми нравами, что они считают танцы несовместимыми с трезвостью», с примечанием: *Cic*. (Mur. 13, 8.). *Nemo sobrius saltat*. Полностью реплика Цицерона звучит следующим образом: «Nemo enim fere saltat sobrius, nisi forte insanit» (Почти никто не танцует трезвым, разве только не в своем уме).

[28] Сообщая, что комедии Теренция приписывались Сципиону Африканскому, Ле Вэйе дает следующую ссылку: *Quint. l. 10. cap. 1*, (99) *& l. de cl. orat*. В цицероновском «Бруте» («De claris oratoribus liber qui dicitur Brutus»), если Левейер имеет в виду его, нет упоминания этой версии.

глубоким отпечатком от познаний, служащих для доброго правительства»[29]. Отметим, однако, что и философские произведения Цицерона — как и любые другие — могут служить и служат источником фактов, а не только мыслей, и даже скорее фактов, чем мыслей.

Из философских произведений дважды цитируется «Об обязанностях» (один раз — вместе с «Государством»)[30], четырежды — «Тускуланы» (один раз без ссылки и прежде всего — как источники фактов) и один раз — «О пределах…». Но самая значительная доля цитат приходится на трактат «О дивинации» (11 обращений). Если говорить не о наиболее цитируемом авторе, а о наиболее цитируемом произведении, то первое место принадлежит ему. Такой пристальный интерес связан с желанием Ле Вэйе бороться с влиянием астрологии, магии и химии на сознание своего потенциального воспитанника.

Одиннадцать раз Ле Вэйе обращается к Сенеке Младшему. Здесь мысли по крайней мере уравновешивают факты. Приведем такой пример: «Прежде всего при частных обидах надлежит вспоминать об этой превосходной сентенции Сенеки, что под небом нет ничего прекраснее и славнее, чем государь, которому причинили бы неудовольствие, а он на это бы не разгневался[31]». Диапазон — при относительно небольшом количестве цитат — весьма широк: трижды цитируются *Epistulae morales ad Lucilium*, столько же раз — *De beneficiis*, по два раза — *De clementia* и *De tranquillitate animi* и единожды — *Apocolocynthosis*. К другому видному стоику — Марку Аврелию — Ле Вэйе обращается лишь четырежды, и единожды — к Эпиктету в передаче Арриана.

---

[29] P. 65, с прим.: *Prooem. de Orat. l. 1. cap. 1*. (Vitr. De arch. 1, 1).

[30] P. 38. «Во-первых, святой Августин цитирует отрывок из третьей книги цицеронова “Государства”, что несправедлива любая война, которая ведется не ради спасения государства и исполнения данной клятвы. Эти два великих человека согласны также и в том пункте, что намерение предпринявшего войну должно заключаться в установлении ее посредством доброго мира», с примечанием: «*22. de Civit. Dei cap. 6. — Bellum ita suscipiatur, ut nihil aliud nisi pax quaesita videatur*. «Войну же надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира» (перевод В. О. Горенштейна). *Cicer. 1. de offic*. (23, 80).

[31] P. 24, с прим.: *L. 1. de Clem. c. 20. Nihil gloriosius principe impunè laeso*.

Десять раз Ле Вэйе обращается к творчеству Флавия Филострата, к которому испытывает очевидную симпатию. Этот автор также может появляться в важных местах, напр., в самом начале произведения: «И я не забыл об ответе, который дал Аполлоний Веспасиану, на просьбу обучить его науке хорошо управлять, когда тот его заверил, — вещь, которой тот требует, как самая важная в мире, так и менее всего поддающаяся преподаванию[32]». Находится для Филострата место в рассуждениях о том, как должны соотноситься власть и философия: «мудрый царь Фраот принял философа Аполлония со всей почтительностью, вдобавок к следующим прекрасным словам: нет ничего более царственного, чем философия, которая обладает еще чем-то большим, нежели царская власть»[33]. «Жизнь Аполлония Тианского» преобладает, но не господствует исключительно.

Сравнительно скромное место уделено Платону. Разумеется, в данном трактате не могла не быть процитирована знаменитая сентенция о философствующих царях (P. 63; Resp. V, 473d). Всего обращений восемь, четыре — к «Законам», два — к «Государству», по одному — к «Федру» и к «Иону». В последнем случае Ле Вэйе допустил неточность[34]. Упоминание мыслей Платона об игре — в контексте игры — не содержит ли имплицитно свидетельство о несерьезном отношении к Платону?[35]

---

[32] P. 6, с прим.: *Βασιλεία γὰρ μέγιστον μὲν τῶν κατ' ἀνθρώπους, ἀδίδακτον δέ. Philostrat. l. 5. de vita Apol. cap. 13*.

[33] P. 66, с прим.: *Τὸ γὰρ βασιλικώτερον σοφία ἔχει* (Philostr. V A II, 27).

[34] P. 11. «И потому Платон сравнивает властителей с кольцами, которые непосредственно затрагиваются магнитным камнем и затем — хотя и в слабой степени — притягивают многие другие, желая, чтобы разум государей, как ближайший сосед неба, был причастен Божеству со значительным преимуществом и прерогативой сравнительно с нижестоящими». По-видимому, имеется в виду Ion, 533d–e, где речь о поэтах, а не о властителях.

[35] P. 98–99. «И конечно, поскольку сам Бог и природа творят только играючи, по замечанию Платона, которое он делает, когда так мило побуждает нас к отдохновению в VII книге своих «Законов» (VII, 803c), и поскольку, как он добавляет, человек — высшее творение Всемогущего — был создан им резвяся; не диво, если те, у кого сходство с ним так велико, подражают ему и в этом и если они позволяют себе иногда предаваться этой естественной склонности к играм, которую испытывают все».

Кроме вышеуказанных, встречаются немногочисленные цитаты из Синесия, Порфирия (Малха) и Ямвлиха.

Прочие жанры художественной прозы

Единожды Ле Вэйе ссылается на Демосфена (правда, на две речи)[36], дважды — на «Панегирик» Плиния Младдшего (и еще раз — на одно из его писем). Как важную для трактата в целом следует отметить мысль Исократа: «С другой стороны, Исократ уж больше чем две тысячи лет жалуется на то, что властители имеют нужду в хорошем образовании более, нежели остальные люди, — и этого никогда не происходит, поскольку, стоит им чуть вырасти, никто не осмеливается их упрекнуть. Потому он придерживается мысли, что наставлять их нужно вовремя и с самых ранних лет, пока они не в состоянии оценить как дурное то, что им предъявляют, и никто не имеет возможности сказать, что это делается с дурным намерением»[37]. Четырежды Ле Вэйе ссылается на Лукиана (мы не будем рассматривать, на подлинные или подложные сочинения; перед французским энциклопедистом этот вопрос не стоял).

Специальная и образовательная литература

Третью группу прозаиков мы обозначим так, как это сделано в «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта. Лидерство бесспорно принадлежит Плинию Старшему, к которому Ле Вэйе обращается 21 раз, лишь немногим меньше, чем к первым историографам и философам своего списка[38]. Ле Вэйе со своими выписками энциклопедического толка и сам

[36] P. 53. «Демосфен берет отсюда предмет в нескольких местах, чтобы ободрить афинян на великие подвиги: поскольку македонянин, — говорит он, — рожденный в маленьком городе Пелле, не видит никакой трудности в том, чтобы потерять глаз, и дать отрубить себе руки и ноги, не имея места на теле, где он по собственному выбору не получил бы раны ради увеличения своей империи и приобретения славы, то что должны сделать выходцы из самого знаменитого города мира?», с прим.: *Orat. ad Ph. ep*., (22), *& orat. de corona*, (67–68).

[37] P. 155, с прим.: *Orat. ad Nicocl. regem*. (2 слл.).

[38] Одна из этих ссылок, по-видимому, ошибочна (P. 145): «Воистину нельзя быть христианином и испытывать колебания, как Плиний, относительно магического искусства», со ссылкой: *Hist. nat. l. 2. cap. 4*. О магическом искусстве в начале II книги речь не идет, а отношение Плиния к нему (резко отрицательное) сформулировано в кн. XXX. В другом месте (P. 152) Ле Вэйе ссылается на ее первые две главы.

напоминает Плиния; несомненно, он чувствовал близость темпераментов. Но Плиний остается для него поставщиком фактов, а мыслей — лишь в отдельных случаях. По двенадцать ссылок на Афинея и Диогена Лаэрция, семь — на Квинтилиана, четыре — на Страбона. Об «Аттических ночах» мы уже писали; кроме пассажа о философе Фаворине, на него две ссылки (обе на XV книгу). Единичны ссылки на Гиппократа, Варрона, Витрувия (см. раздел о Цицероне), Павсания, Фронтина, Макробия.

Поэты

Интересно, что двумя поэтическими цитатами Ле Вэйе начинает главу о финансах: «уже более двух тысяч лет тому назад Гесиод сказал, что деньги — другая душа, благодаря которой живут люди, а Пенелопа отписала своему Улиссу, чтобы побудить его вернуться, что в его отсутствие терзают их общие внутренности, называя таким образом имущество их дома»[39]. Античными примерами сопровождаются доводы тех, кто против увлечения государей поэзией (P. 88): «неистовство и вдохновение, которые должны ее постоянно сопровождать, нимало не сочетаются с качествами, обыкновенно желаемыми в тех, кто правит. Афиняне обвинили Гомера и Тиртея в безумии, — их, бывших богами в этом роде деятельности[40]. Гораций — после Демокрита — признавал[41], что мудрому человеку не свойственно карабкаться на баснословный Геликон». В этой связи Ле Вэйе цитирует и Ювенала[42], упоминая, что римлянам ненавистна была поэзия в лице Нерона.

Нельзя обойтись без Вергилия. Чрезвычайно любопытна и загадочна первая же цитата из него: «И поэт описывал нам доброго царя Аниона, который еще сочетал понтификат с империей»[43]. Весьма вероятно, что стих претерпел метаморфозу

[39] P. 28–29, с прим.: *χρήματα γὰρ ψυχὴ πέλεται δειλοῖσι βροτοῖσιν*. (Hes. Op. 686).*Viscera nostra tuae dilacerantur opes. Ov. ep. 1*., (90).
[40] *Diog. Laërt. in Socr*. (II, 5, 43).
[41] Ars 296–297: «Демокрит не допускает на Геликон поэтов в здравом рассудке».
[42] Ibid. со ссылкой: *sat. 8*, (221). Еще Ювенал приводится только однажды: P. 35. *Iuven. sat. 4*. (53 слл.).
[43] P. 11. Rex Anius, rex idem hominum, Phoebique sacerdos («Царь Аний, в одном лице — царь людей и жрец Феба»). — Verg. Aen. III, 80. Левейер читает этот стих иначе: Rex Anio, rex idem hominum, diuumque sacerdos («Царь Анион, в одном лице — царь людей и жрец

в сознании автора трактата уже давно — и так ему и запомнился. В другой раз цитата приводится без упоминания автора: «Что же до Сципионов, то не напрасно они были названы молниями войны»[44].

Лукан, кроме упомянутого нами места, цитируется в связи с естественнонаучными интересами Цезаря[45]. Стаций — в связи с умением Ахилла плавать (P. 95. Achill. 178 слл.).

Он демонстрирует и знакомство с дошедшей во фрагментах комедией: «я даже нахожу, что комический поэт Филемон был прав[46], выводя на сцену деревенщину, который высмеивал все философские диспуты на предмет высшего блага, познав на собственном поле, что его можно обрабатывать только в мирное время». Только фрагменты цитируются из Еврипида[47].

богов»), со ссылкой на полях: *Virg*. (Le Vayer 1606: 297). Источник нам установить не удалось. Можно предположить, что переделка (сознательная или бессознательная?) принадлежит самому Ле Вэйе.

[44] P. 55. Verg. Aen. VI, 842–843: duo fulmina belli. Менее вероятен источник Lucr. III, 1034: Scipiadas, belli fulmen, Carthaginis horror.

[45] *Lib. 10*. Цезарь говорит о себе, беседуя со жрецом Акореем, который рассказывает ему о нильских истоках: «В разгар битв у меня всегда находился досуг для участков светил и неба, для вышних богов» (185–187). P. 65.

[46] *In fragm. vet. comic*. P. 59. Отрывок из комедии Πυρρός («Рыжий»). По-видимому, Ле Вэйе пользовался следующим изданием: Bibliotheca Quinquaginta uetustissimorum Comicorum, Quorum opera integra non extant. Graecé & Latine cum unius cuiusuis poêtae uita, & Platonij fragmento, de differentijs comoediarum. Per Iacobum Hertelium. Veronae (i.e. Basilea), M.D.CXVI. P. 190 (греческий текст) и 191 (латинский перевод).

[47] *Σοφοὶ τύραννοι τῶν σοφῶν συνουσία. Eurip*. P. 68. «Мудры тираны от общенья с мудрыми» (перевод С. Я. Шейнман-Топштейн). Стих цитируется как принадлежащий Еврипиду в платоновском «Феаге» (125b) и в «Государстве» (VIII, 568b); фрагмент есть и у Софокла (fr. 13 N.–Sn.). Софоклу его приписывает Авл Геллий (XIII, 19), утверждая, что он из трагедии «Аякс Локрийский» и удивляясь, что Платон считает его принадлежащим Еврипиду, поскольку тот моложе Софокла. В другой раз стих из Еврипида используется как иллюстрация: «Уже греки представляли нам Геркулеса за игрой с маленькими детьми», с прим: *Eurip*. P. 99. Соответствующая цитата обнаруживается в книге, на которую Ле Вэйе ссылается чуть ниже: Maffei, Raffaele. Commentariorum urbanorum Raphaelis Volaterrani, octo & triginta libri accuratius quàm antehac excusi, cum duplici eorundem indice secundum Tomos collecto. Basileæ, Apud Hieronymum Frobenium et Nicolaum Episcopium, Mense Augusto, Anno M D XLIIII, F. 347 v., цитируя еврипидовский стих, присутствующий у Элиана (VH XII, 15; fr. 864 N — А. Л.): Весьма предавался играм с маленькими детьми и

Эпизод с Трасиллом

Мы приведем полностью пассаж из Ле Вэйе, включающий анализ Ann. VI, 21. «Авторитет Тацита столь велик, что мы не могли бы найти ничего, заслуживающего большего уважения, нежели написанное этим историком. Вот как он приводит обстоятельства, связанные с математиком Трасиллом, которые произвели на иные умы столь сильное впечатление. Тиберий, — говорит он, — будучи на Родосе, пожелал удовлетворить свое любопытство на предмет предсказательной астрологии. Желая для этой цели выяснить способности тех, кто занимался этим ремеслом, он воспользовался весьма возвышенным местом в своем доме, которое поднималось над прибрежными скалами, куда невозможно было подняться иначе, нежели по кручам, вызывавшим страх. Туда-то и нужно было добираться тем, кто брался предсказывать будущее, и туда их провожал один из его вольноотпущенников, которому он доверял, человек столь же сильный телом, сколь и невежественного ума. И потому, если Тиберий признавал, что тот, кому он сделал свое предложение, — всего лишь мошенник, давший ему обманчивый ответ, как обычно бывает с такими лицами, проводник, получив соответствующий знак, не оставлял бросать того в море на обратном пути, из опасения, что он разгласит, о чем его спрашивали. Стало быть, Трасилл, весьма сведущий в науке халдеев, будучи приведен в числе прочих на эти обрывистые высоты, уверил Тиберия, что тот станет императором, и открыл ему множество вещей, затрагивающих будущее. В ответ на это Тиберий спросит его, знает ли тот свою собственную судьбу, — и пусть он посмотрит собственный гороскоп, что с ним должно произойти. Трасилл тотчас его составляет, изумляется, бледнеет, и чем больше он сосредотачивается на тогдашнем часе, исходя из времени своего рождения, тем сильнее он выказывает страх, — вплоть до того, что восклицает: звезды грозят, что настал его последний час. Тиберий, охваченный радостью и восхищением, обнимает его и ободряет, а потом делает его своим оракулом и включает в число своих ближайших друзей. Итак, не говоря уже о том, что весь рассказ отдает небылицами,

сын Зевса и Алкмены. На это намекает Еврипид», добавляя стих: «παίζω: μεταβολὰς γὰρ πόνων ἀεὶ φιλῶ» («Играю, и всегда люблю перемены в роде занятий»).

нет никакого повода предполагать, что многих людей можно было вот так бросить в море без того, чтобы правосудие узнало об этом и воспрепятствовало, хотя бы уведомив Августа; я имею в виду, что, если бы этот факт действительно имел место, не следовало бы считать удивительным, что Трасилл, обратив внимание на особенности места, где они были, и на труднопроходимый путь, по которому следовало возвращаться, испытывал некоторое подозрение по поводу вопросов Тиберия. Нет столь грубых лиц, с которыми иногда такое не случалось бы. Выражение лица Тиберия, да и проводника, а может быть, и какой-нибудь поданный в то время знак заставили бедного математика усомниться в том, будет ли он жив. Это заставило его сыграть в игру, которая ему удалась, притворившись, будто увидел на небе угрожавшую ему опасность, выпутался из которой он благодаря ухищренности своего разума. С другой стороны, есть ли что более нелепое, чем верить, будто человек может, как то следует из рассказа Тацита, составить свой гороскоп мгновенно, истолковать его и установить столь кстати то, что ему угрожало в настоящую минуту? Если бы он работал над своим гороскопом прежде, и, вероятно, на досуге, он должен был предвидеть заранее все, что тогда происходило. Потому, если это был первый раз, что необходимо предположить, чтоб не удивляться его удивлению, в этом случае нет никакого предлога думать, что он смог бы столь внезапно выполнить все необходимые вычисления, чтоб так точно распознать риск своего положения. Можно было бы выставить и много других догадок против правдоподобия этой истории; мы предоставим возможность сделать это тем, которые найдут время прочесть ее внимательно, чтобы перейти к примерам, еще менее вероятным, чем этот; обратив внимание на то, что Дион Кассий, как бы доверчив он ни был, все же в LV книге не решается писать об этом, как Тацит, и в LVII книге признает[48], что Тиберий обрек на смерть этого астролога, поняв, что вся его наука основана на магии, мы видим, как мало цены следует придавать таким сообщениям. Добавьте к этому, что Трасилл заверял Тиберия: тому предстоит прожить на десять лет

[48] По-видимому, имеется в виду LVII, 15, 7.

больше, чем это было в действительности, хотя Дион[49] объясняет это скорее хитростью, чем ошибкой расчета».

Насколько интересен и содержателен разбор Тацита, настолько же вызывает недоумение интерпретация Диона. Его текст таков: Καὶ μέντοι τῷ τε Θρασύλλῳ ἀεὶ συνὼν καὶ μαντείᾳ τινὶ καθ΄ ἑκάστην ἡμέραν χρώμενος, αὐτός τε ἀκριβῶν οὕτω τὸ πρᾶγμα ὥστε ποτὲ ὄναρ δοῦναί τινι ἀργύριον κελευσθεὶς συνεῖναί τε ὅτι δαίμων τις ἐκ γοητείας οἱ ἐπιπέμπεται καὶ τὸν ἄνθρωπον ἀποκτεῖναι, πάντας τοὺς ἄλλους τούς τε ἀστρολόγους καὶ τοὺς γόητας, εἴ τέ τινα ἕτερον καὶ ὁποιονοῦν τρόπον ἐμαντεύετό τις, τοὺς μὲν ξένους ἐθανάτωσε, τοὺς δὲ πολίτας… ὑπερώρισε: «И постоянно будучи в обществе Трасилла и прибегая каждый день к каким-либо гаданиям, а также сам настолько разбираясь в деле, что однажды, когда во сне он получил повеление дать кому-то денег, он понял, что ему колдовством послан некий демон, и убил человека, а всех прочих, и астрологов, и магов, иностранцев умертвил, а граждан… изгнал». Это можно понять как того желает Ле Вэйе, но с большой натяжкой: намного более естественно воспринять τὸν ἄνθρωπον как относящееся к близкому τινι. По-видимому, это самостоятельное решение Ле Вэйе. Наиболее распространенный в его время французский перевод делает решительный выбор в пользу более «естественной» версии[50]. Латинский перевод одного из самых авторитетных[51] изданий того времени воспроизводит подлинник очень точно и сохраняет все проблемы интерпретации[52]. Отметим, что вряд ли

[49] *Lib. 58,* (27, 3).

[50] «Pour lors il fit mourir tous les astrologues, magiciens, & enchanteurs estrangers qui estoient à Rome, & chassa en exil les autres, qui estoient citoyens Romains, bien qu'il fut luy mesme ordinairement auec vn Thrasibulus à faire tous les iours des charmes & deuinations, & qu'il fust si versé & consommé en ces arts magiques, qu'ayant eu quelquefois vne vision qui l'admonestoit de donner de l'argent à vn certain homme, il cogneut asseurement par cét art, que c'estoit vn esprit qui luy auoit esté enuoyé par les charmes & enchantemnens de cét homme, & pource il le fit mourir» (Dion 1616: 121).

[51] Dionis Cassii Historia Romana, grec. lat. in fol. Hanoviæ 1606. Auteur exat & judicieux, dont l'Histoire est fort utile; nous en marquons ici la meilleure Edition (Lenglet Du Fresnoy 1713: 84).

[52] (Dio 1606: 612–613). «Porro Tiberius, etsi Thrasyllo adsidue vtebatur, ac singulis diebus vaticinia accipiebat, tamen re accurate considerata, quum aliquando per somnum iussus esset cuidam argentum dare; hominem interemit, q, intelligebat sibi per magicam artem daemonem immissum fuisse: reliquos omnes astrologos, magos, aut quicunque alio quopiam

Ле Вэйе можно признать добросовестным, когда он пишет о «хитрости» Трасилла: это серьезное искажение мотивов, вызванное, по-видимому, неприязнью к астрологам как таковым. Тот, как сообщает в приведенном месте Дион Кассий, имел намерение спасти жизнь многим знатным римлянам, с чьей казнью Тиберий, уверенный, что ему жить долго, не стал бы торопиться; это ему удалось, хотя умер он раньше Тиберия и не увидел исполнения своих замыслов.

Заключение

Мы имеем дело с эрудитом, решительно предпочитавшим прозу поэзии; с этой оговоркой его обширные познания вызывают восхищение. Особенно широко демонстрируются его познания в древней историографии, в философии и в трудах энциклопедического толка. Интеллектуальным лидером для него является один Аристотель; от прочих он воспринимает отдельные мысли (иногда важные для его труда), но прежде всего — факты, поставщиками которых будут и историки с энциклопедистами, и философы. Насыщенность нужными фактами является для него главным критерием отбора материала для использования. Оценка Ле Вэйе (там. где он ее формулирует) склонна тяготеть к полюсам: либо он подчеркивает достоинства и склонен оспаривать или оправдывать недостатки автора, либо (как, напр., в случае со Scriptores Historiae Augustae) его отзывы крайне пренебрежительны. Вызывает некоторое удивление в этой связи сухая характеристика Фукидида. Несомненно, при всех неоспоримых достоинствах общего фона на общем фоне Ле Вэйе был — как и считался — выдающимся знатоком древности, и таковым он оставался бы при любых обстоятельствах; можно согласиться с одним из писавших о нем: пренебрежение к нему прекратится, когда вкус к легкомыслию уступит место вкусу к подлинной эрудиции, и читателя перестанет подавлять ее «чрезмерность».

---

modo diuinationes exercerent, exteros necauit: ciues… extorres egit». In margine: «Ceterum etsi cum Thrasyllo Tiberius adsidue versaretur, & cottidie quadam vteretur divinatione, atque etiam ipse tam exacte hanc artem teneret, vt aliquando per quietem alicui pecuniam dare iußus, & immitti sibi daemonem quendam arte magica intellexerit, & hominem illum occiderit; tamen omnes alios, tam astrologos, quam magos… peregrinos necauit; ciues… extorres egit».

Источники

Callistus 1630: Nikephoros Kallistos Xanthopoulos. Nicephori Callisti filii Xanthopuli Ecclesiasticae Historiae Libri XVIII. In duos Tomos distincti, ac Græcè nunc primùm editi. Adiecta est Latina interpretatio Ioannis Langi, à R. P. Frontone Ducæo Societatis Iesu Theologo cum Græcis collata & recognita. Tomus Prior. Lutetiae Parisiorum. Sumptibus Sebastiani & Gabrielis Cramoisy, viâ Iacobææ, sub Ciconiis M.DC.XXX. Cum privilegio Regis Christianissimi.

Dio 1606: Τῶν Δίωνος τοῦ Κασσίου τοῦ Κοκκηϊανοῦ Ρωμαικῶν Ἱστοριῶν τὰ σωζόμενα. Dionis Cassii Cocceiani Historiæ Romanæ libri XLVI, partim integri, partim mutili, partim excerpti: Ioannis Leunclavii studio tam aucti quam expoliti. Fragmenta priorum XXXIV amissorum, & posteriorum XX librorum. Notæ Leunclavii, quibus Dionia plurima restituntur. Accedunt & R. Stephani, G. Xylandri, Fr. Sylburgii, H. Stephani, F. Ursini, notæ, quibus Dioni infinitis locis qua lux, qua medela, simul accedit. Adiectus index copiosissimus. Hanoviæ: Typis Wechelianis, apud Claudium Marnium & heredes Joan. Aubrii. MDCVI. Cum Sac. Cæsareæ Maiest. Priuilegio ad sexennium.

Dion 1616: L'Histoire de Dion Cassius de Nicaee, contenant les vies des vingt-six empereurs qui ont régné depuis Jules Caesar, jusques à Alexandre, fils de Mammae, abrégée par Xiphilin. Revue, corrigée et illustrée d'annotations et maximes politiques [par Anthoine de Canques]. A Paris, Chez Iean Richter, ruë S. Iean de Latran à l'arbre verdoyant: Et en sa boutique au Palais sur le Perron Royal. M. D. CXVI.

d'Orléans, Louis 1607: Les Ouvertures des Parlements. Par Loys [sic!] d'Orléans. Ausquelles sont adjoustées cinq Remonstrances autrefois faictes en iceluy. A Paris, Chez Guil Des-Rues, rue sainct Iean de Latran, ioignant le Collège de Cambray. MDCVII. Avec Privilège du Roy.

Lenglet Du Fresnoy 1713: [Lenglet Du Fresnoy, Nicolas]. Methode Pour étudier l'Histoire, Qui contient le Traité de l'usage de l'Histoire par M. l'Abbé De Saint Real. Avec Un Discours sur les Historiens François par M. de Saint Evremont. Avec Un Catalogue des principaux Historiens & des Remarques critiques de la bonté de leurs Ouvrages & sur le choix des meilleures Editions. Seconde Partie. A Paris, Chez Antoine Urbain Coustelier, sur le quay des Augustins, prés la rue Gile-cœur. M.DCCXIII. Avec Privilège du Roy.

Le Vayer 1606: Quatre Dialogues faits à l'imitation des anciens, Par Orasius Tubero. A Francfort, Par Iean Sarius. M.DC.VI.

Le Vayer 1640: [La Mothe Le Vayer, François de]. De l'instruction de Monseigneur le Dauphin, a Monseigneur l'éminentissime cardinal

duc de Richelieu. A Paris: chez Sébastien Cramoisy, Imprimeur ordinaire du Roy… M. DC. XL. Имя автора указано в одобрении докторов Сорбонны в конце книги.

Le Vayer 1647: Instruttione de' Prencipi, Del Signor Della Motta. Trasportato dal Francese Per Mutio Ziccatta… In Venetia: MDCXLVII. Appresso Paolo Baglioni.

Le Vayer 1662 H: Jugement sur les anciens et principaux Historiens Grecs et Latins, don't il nous reste quelques ouvrages // Œuures de François de La Mothe Le Vayer, conseiller d'Estat ordinaire. T. I. 3e éd., reveue, corrigée, et augmentée. A Paris: chez Augustin Courbé…, 1662. P. 285–417.

Le Vayer 1662 I: De l'instruction de monseigneur le Dauphin // Œuures de François de La Mothe Le Vayer, conseiller d'Estat ordinaire. T. I. 3e éd., reveue, corrigée, et augmentée. A Paris: chez Augustin Courbé…, 1662. P. 3–156.

Le Vayer 1756: Œuvres de Fr. de La Mothe Le Vayer, conseiller d'Etat, &c. Nouvelle éd., revue & augmentée. T. I. Partie I. Imprimé à Pfœrten, & se trouve à Dresde: chez Michel Grœll. MDCCLVI.

Lipsius 1667: C. Suetonius Tranquillus, et in eum commentarius exhibente Joanne Schildio. Lugduni Batavorum, Ex Officina Hackiana. 1667.

Thuanus 1620: Thou, Jacques-Auguste de. Illustris Viri Iacobi Augusti Thuani Regii in Sanctiore Consistorio consiliarii, et in suprema Regni curia præsidis, Historiarum sui temporis continuatio. LVIII Libris nunc primum in lucem prodeuntibus comprehensa: cui accedunt Commentariorum de vita sua libri VI hactenus quoque non editi. Aurelianae, Apud Petrum de la Rouiere. MDCXX.

Вторичная литература

Dreux du Radier 1755: Dreux du Radier, Jean-François. L'Europe illustre, contenant l'histoire abrégée des Souverains, des Princes, des Prélats, des Ministres, des grands Capitaines, des Magistrats, des Savans, des Artistes, & des Dames célèbres en Europe. Depuis le XVe siècle compris, jusqu'à présent. par M. Dreux Du Radier, Avocat. Ouvrage enrichi de portraits. A Paris: Chez Odieuvre, Marchand d'Estampes… Le Breton, Imprimeur ordinaire du Roi… M.DCC.LV.

Étienne 1849: Étienne, Louis. Essai sur La Mothe-Le Vayer, Rennes: 1849.

Georges 2018: Bibliographie chronologique des œuvres originales de la Mothe le Vayer //

https://www.academia.edu/38348589/Bibliographie_chronologique_des_œuvres_originales_de_la_Mothe_le_Vayer. Дата обращения: 21.07.2021.

Kerviler 1879: Kerviler, René Mathurin Marie Pocard du Cosquer de. François de La Mothe Le Vayer, précepteur du duc d'Anjou et de

Louis XIV. Étude sur sa vie et sur ses écrits. Par René Kerviler. Paris: Edouard Rouveire, Libraire-Éditeur… 1879.

Lacroix 1890: Lacroix, Lucien-Léon. Quid de instituendo principe senserit Vayerius (thèse), Parisiis: apud Letouzey et Ané, 1890.

Lacour-Gayet 1923: Lacour-Gayet, Georges. L'éducation politique de Louis XIV. 2e éd. revue. Paris: Librairie Hachette, 1923. Ch. II: Ouvrages écrits en vue de l'éducation de Louis XIV. P. 16–66.

Loque 2011: Loque, Flavio Fontenelle. Bibliografia de La Mothe Le Vayer // Revista Sképsis. Ano IV. № 7. 2011, 168–175.

Lyubzhin, A. I. 2021: [François de La Mothe Le Vayer and his treatise *On the Education of the Monsignor Dauphin*: the consept of Golden Mean and Public Good]. In: Educational Studies. Moscow. No 4, 311–332.

Любжин, А. И. 2021: Франсуа де ла Мот ле Вэйе и его трактат «О воспитании монсеньора дофина»: концепция «золотой середины» и общественного блага. *Вопросы образования* / *Educational Studies Moscow*. No 4. 2021, 311–332.

Tisserand 1922: Tisserand, Ernest. Introduction. In: François de La Mothe Le Vayer (Orasius Tubero). *Deux dialogues faits à l'imitation des anciens.* Introduction et notes par Ernest Tisserand... Editions Bossard. Paris: 1922, 11–58.